

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ОГНЕДЫШАЩАЯ ЗОЛА ЭПОХИ

Тридцать лет тому назад – в конце восьмидесятых и начале девяностых годов прошлого столетия – российская интеллигенция попросту сходила с ума, когда разговор заходил о Солженицыне. Все зачитывались “Архипелагом”, прозой и публицистикой, все жаждали его возвращения в Россию с надеждой, что “пророк перестройки” укажет пути возрождения Отечества... И не надо думать, что такого рода надеждами жили лишь наши враги – “западники”, “штатники”, “шестидесятники”... Нет, этим поветрием дышали и самые что ни на есть заслуженные патриоты. Я помню, как в конце 1989 года, когда я только-только обжился в кабинете главного редактора журнала “Наш современник”, мой ближайший друг Вадим Кожинов организовал встречу с Игорем Шафаревичем в квартире последнего, где знаменитый в патриотических кругах академик и автор “Русофобии” (с лёгкой руки Шафаревича это слово вошло в наш обиход и с успехом работает в мировоззренческой борьбе по сегодняшний день) дал согласие войти в редколлегию “Нашего современника” при условии, что журнал будет щедро публиковать произведения Солженицына... Более того, Вадим Валерианович Кожинов настаивал на том, чтобы “Наш современник” перехватил инициативу у “Нового мира” (где работал журналист Вадим Борисов, которому Солженицын дал право раздавать всё написанное им по разным журналам и газетам) и начал в каждом номере 1990 года публиковать всё, что вышло и выходит из-под пера великого человека и мыслителя. Только такая политика, по мнению Кожинова и Шафаревича, могла спасти “НС”. Да разве только они были ослеплены лучами его мировой славы! В декабре 1988 года в Москве, в клубе фабрики имени Баумана, прошёл вечер, посвящённый 70-летию Солженицына, на котором мои друзья, постоянные авторы журнала и члены редакционной коллегии, произносили целые речи в честь Солженицына, и эти речи, по их настойчивому желанию, были опубликованы в январском номере журнала за 1990 год... Вот короткие отрывки из этих юбилейных речей.

Владимир Солоухин: *“Александр Исаевичу исполняется 70 лет. Он встречает своё 70-летие в изгнании. Пытались затоптать Александра Исаевича. Но недаром же будто в какой-то западной энциклопедии там, в Англии издающейся, написано на букву “Б” – “Брежнев – мелкий политический деятель в эпоху Солженицына” <...> Лет пять назад я видел Солженицына, пробрался к нему в Вермонт. Он хочет вернуться на родную землю. Но он хочет возвратиться с подобающим ему достоинством”.*

Страна двигалась к своей гибели, а “пророк” думал лишь о “возвращении... с достоинством”.

Игорь Шафаревич: *“Вопрос о возвращении Солженицына в нашу современную литературу – это вопрос не о соблюдении правовых норм нашего*

государства — эту-то задачу можно было решить на ком-нибудь помельче. Это один из факторов нашего народного выживания”.

Владимир Крупин: “В Солженицыне мы видим истинно русское понимание креста, которое несёт писатель в сегодняшнее особенное время. Это, конечно, страдание, и я вспоминаю, как Достоевский говорил совершенно искренне Победоносцеву: “Голубчик, какой Вы хороший человек, но всё же как жаль, что Вы не посидели на каторге! Вы бы ещё лучше, так сказать, стали, то есть Вы бы обмякли через эти страдания!” Страдания, которые перенёс Александр Исаевич, возвышают его над всеми нами. Жаль, что он не с нами, но будем надеяться, что мы ещё будем лицезреть его воочию”.

Леонид Бородин: “И ещё о наших лагерях. Это были не бериевские лагеря. Это были наши с вами лагеря. Наше молчание санкционировало их существование. И там, в этих лагерях, мы считали Солженицына нашим представителем на воле. Часто он и был таковым. И от своего имени, и от имени тех, кого здесь нет, я желаю ему здравствовать и возвратиться”.

Валентин Распутин: “Возвращение Солженицына, вернее, пока книг Солженицына подобно чуду. А. И. Солженицын прошёл свой крестный путь сполна. Давно один человек не брал на себя столь огромного и тяжкого труда. И не вынести бы ему взятого, будь он хоть семи пядей во лбу, надорваться бы ему и за половинной ношей, если бы не осознал он себя как избранника российского неба и российской земли и не поступал как избранник”.

Да о чём речь, если даже Михаил Шолохов с восторгом принял первые публикации солженицынской прозы — “Матрёнин двор” и “Один день Ивана Денисовича”!

Поставленный в такие эмоциональные обстоятельства со стороны ближайших друзей-писателей, я не мог не считаться с ними, делающими журнал вместе со мной, и написал Солженицыну письмо в Вермонт с предложением о сотрудничестве.

С этого письма и началась наша переписка с ним, многое мне прояснившая и в его гражданской позиции, и в его человеческом поведении, прояснившая настолько, что каждое его очередное письмо ко мне всё полнее убеждало меня в том, что мои друзья безмерно преувеличивают его “достоинства” и в упор не видят, насколько наш “пророк” мелочен, самолюбив и тщеславен.

Ещё не до конца понимая всё это, я, тем не менее, сознательно предложил Солженицыну опубликовать в журнале всего лишь одну из частей “Красного колеса”, повествующую о жизни Ленина в Цюрихе, где он встречался с международным еврейским финансовым авантюристом Парвусом, которого Владимир Ильич умело использовал в деле подготовки русской революции. Эта глава, как я её понимал, свидетельствовала о Ленине как о гениальном игроке на шахматной доске мировой истории и талантливом организаторе, о котором впоследствии Борис Пастернак напишет в поэме “Высокая болезнь”: “Он управлял теченьем мыслей // И только потому — страной”, а Сергей Есенин в поэме “Анна Снегина” на вопрос своих деревенских земляков “Скажи, // Кто такое Ленин?” — ответит им: “Он — вы!” А Николай Клюев провозгласит: “Есть в Ленине керженский дух, // Игуменский округ в декретах, // Как будто истоки разрух // Он ищет в “Поморских ответах”. О Маяковском, посвятившем Ленину одну из самых знаменитых своих поэм, и говорить нечего. Во всяком случае, моё первое письмо, посланное Солженицыну осенью 1989 года, было написано в духе перестроечного времени.

“Уважаемый Александр Исаевич!

Сердечное спасибо Вам за то, что Вы дали право “Нашему современнику” на публикацию “Октябрь шестнадцатого”. Начнём печатать роман, предварив его речами В. Распутина, В. Солоухина, И. Шафаревича, Л. Бородина, которые были произнесены ими год тому назад, когда в одном из московских клубов мы чествовали Ваше семидесятилетие. Кроме того, рад передать Вам только что вышедший сентябрьский номер “Нашего современника” с “Поминальным словом о Твардовском” и со статьёй “Жить не по лжи”, переданными нам для публикации В. Борисовым.

“Октябрь шестнадцатого” мы рассчитываем публиковать в течение первого полугодия, начиная с январского номера 1990 года.

В этом же номере “Наш современник” напечатает повесть “Третья правда” хорошо известного Вам Леонида Бородина...

В 12-м номере за 1989 год “Нашего современника” будет напечатана статья критика В. Бондаренко о Вашей прозе.

И, однако, не всё так просто и легко делается. Загвоздка уже не в цензуре или партийном диктате, а порой в нас самих. Нередко на встречах с читателями нам задают вопросы искренние русские люди, ещё не до конца освободившиеся от марксистско-сусловского наркоза: “А почему это наш любимый журнал, “патриотический и бескомпромиссный”, подлаживается к моде и печатает Солженицына, который говорил то-то и то-то о “советской власти”, “о коммунизме”, и далее идёт весь набор штампов, вбитых в их головы в семидесятые годы. . .

Ну, тогда я начинаю ликбез: напоминаю читателям об “Одном дне Ивана Денисовича”, о “Матрёнинном дворе”, о том, что Солженицын не раз высоко отзывался, живя уже в Америке, о нашей “деревенской прозе” – а ведь деревенская проза – это Белов, Распутин, Астафьев, Солоухин – главные авторы журнала, которые, в свою очередь, здесь, в России, всячески старались сказать правду о Солженицыне. Говоришь всё это людям – и видишь: действует, но медленно, осторожность остаётся. И тогда я, чтобы человек, окончательно сбитый с толку в эпоху гласности, понял А. И. Солженицына, начинаю пересказывать ему Ваши пророческие статьи о “плюралистах”, “образованщине”, размышления о России из Ваших речей и интервью 70–80-х годов. И тут-то у людей буквально на глазах отверзаются глаза и уши, и они просто начинают стнать: “Ну, как же так, почему мы этого не знаем, это же нужно срочно опубликовать! . . .” Недавно я проделал такой опыт с бывшим фронтовиком, Героем Советского Союза, который пришёл в редакцию, чтобы от себя и от имени своих товарищей объявить, что они не будут подписываться на свой любимый журнал “Наш современник” потому, что он “следует моде” и печатает “антисоветчика Солженицына”. Однако, когда я этому честному человеку пересказал статью “Наши плюралисты” со всеми её пророчествами, касающимися смутного времени перестройки и того, как “разгромят Россию”, – он просто схватился за голову: как жаль, что мы всего этого не знаем! Надо объяснить людям Солженицына! И ушёл буквально потрясённый, как Савл, переродившийся в Павла. . .

Так что, уважаемый Александр Исаевич, если бы Вы разрешили опубликовать нам кое-что из Вашей публицистики: “Образованщину”, “Гарвардскую речь”, “Плюралистов”, полемику с Сахаровым, интервью с Сапиемом, – словом, что захотите, помня о таких вот Героях Советского Союза, несчастных и честных людях. Это было бы необычайно своевременно и необходимо. Я бы осуществил такую публикацию в ближайших номерах журнала параллельно с публикацией “Октября”.

Поддержите молодого редактора и всех нас. Я всегда знал цену пропаганде, обрушившейся на Вас в 70-е годы. Ни единым устным или письменным словом не присоединился к ней. Это было невозможно, прежде всего, потому, что сразу же после “Одного дня” Вы стали дорогим мне писателем. Помнится, что в середине 60-х годов я, молодой тогда ещё поэт, послал Вам в Рязань с благодарностью за “Матрёнин двор” книжечку своих стихотворений. Конечно, Вы об этом не помните – не до того Вам было, – но мне было радостно думать: “Получит Александр Исаевич книжечку, и легче ему станет от того, что молодёжь понимает его”. А сейчас сам уже дед, да и жизнь почти прошла. Надо напоследок хоть что-то ещё сделать, только поэтому не отказался от должности главного редактора журнала. Пишу в “ЖЗЛ” книгу о Есенине, мечтаю в следующем году приехать в Америку, порыться в Национальной библиотеке Конгресса, где немало хранится материалов о жизни Есенина в Европе и Америке. Но добиться от нашего бюрократического Союза писателей такой командировки непросто – я же не Вознесенский и не Евтушенко. . . Однако, если такое удастся, можно ли будет навестить Вас?

Хочу поменять редколлегию журнала, оставить в ней В. Астафьева, В. Распутина, В. Белова, ещё двух-трёх человек и ввести дополнительно И. Шафаревича, В. Кожинова, Ю. Кузнецова, Г. Свиридова. . . А если бы – простите мне, Александр Исаевич, поэтическую вольность – и Вы дали согласие стать членом редколлегии “Нашего современника”?!

Впрочем, я размышлял, но, видимо, потому, что начинаю относиться к журналу, как к своему родному дитяти.

Всего Вам доброго. Дай Вам Бог здоровья ради исполнения предначертанного.

Станислав Куняев”.

Вскоре из Вермонта мне пришёл ответ.

“8.10.89

Кавендиш, Вермонт

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Это очень верно, как вы пишете, что известный тип читателей Вашего журнала должен воспринимать Солженицына как “антисоветчика” и даже, вот, угрожает отказаться от подписки. Именно этот тип и подпирает собой тот казённый грубый уклон, который был всё время свойственен Вашему журналу, ответно был нестерпим и мне, врезался чересполосицей казённых штампов сквозь большинство статей журнала. (Если к этому добавить и часто невысокий уровень тех статей и почти всегда невыносимое словообилие их, то картина будет мало привлекательна.) Но Игорь Ростиславич заверил меня, что, начиная с Вашего редакторства, это всё изменится – и только поэтому я согласился отдать Вам “Октябрь Шестнадцатого”. Очень жаль, если обещанное не произойдёт.

Моё условие, разумеется: никаких пропусков и выемок из “Октября”, только полностью книга от первой до последней строчки (оглавление – не нужно), никакого “сокращённого журнального варианта”. Также не печатайте к “Октябрю” никаких предисловий и объяснений, кроме краткого фактически-го предварения о структуре “Красного колеса”, которое Вы получите от Вадима Михайловича, и от него же – уже сокращённую публикаторскую справку к “Октябрю” (из т. 14, стр. 589), которую Вы вольны (и даже нужно) ещё как угодно сократить. Обращаю Ваше внимание, что в № 9, который Вы мне прислали, П. Г. Паламарчук безосновательно превзошёл задачу простой справки (превзошёл и объём моей публикуемой вещи), дав эмоциональный комментарий и забегающий далеко вперёд отрывок.

Если вы намерены печатать выступления на вечере 11.12.88 – то, пожалуйста, совершенно отдельно от “Октября”, не связывая с ним.

Столько лет будучи отторгнут от соотечественного читателя, я настаиваю на праве предстать перед ним именно своими произведениями, без предваряющих, хотя бы доброжелательных истолкований.

Что касается “Наших плюралистов” и др. – то свою публицистику я вообще не буду печатать прежде главной части всей моей прозы, а это достаточно долго. И менее всего я хотел бы привлекать читателей через публицистику. Ничего больше предложить Вам не могу.

В редакции я вообще не входил никогда ни в какие и не намерен.

Всего доброго, успеха Вам в перестройке журнала.

А. Солженицын”.

Прочитав это письмо, я начал понимать, что из всех смертных грехов Александр Исаевич впадает в самый губительный для творческого человека высокомерный грех гордыни, что ему нужны не друзья и единомышленники, а слуги, которым он всегда будет диктовать свою волю. А кроме этого, до меня дошло, что он хладнокровно расчётливый человек, понимающий, что его публицистика, будучи опубликована в России, может повредить ему при возвращении на Родину...

Но чего я тогда, к сожалению, не понял, так это того, почему он так настаивал на публикации в России в первую очередь своей прозы. Сейчас я уверен, что он уже в 90-м году решил бросить перчатку Михаилу Шолохову и доказать всему читающему миру, что “Тихий Дон” – это в некоторой степени плагиат, что и было сделано при издании книги И. Н. Медведевой-Томашевской “Стремя Тихого Дона”, и что историю революции и гражданской войны надо изучать не по “Тихому Дону”, а по его “Красному колесу”.

В дальнейшем наши отношения начали портиться из-за того, что Солженицын решил, будто “Наш современник” печатает главы “Красного колеса” слишком маленькими порциями.

“10.03.90

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Получил Вашу телеграмму. (Я сообщил ему, что журнал с первой частью “Красного колеса” вышел).

Опоздано многое в нашей стране – на десятилетия.

Опоздала и моя публицистика. Появись она сейчас в любом журнале – ничему б она не помогла. Я хорошо обдумал, прежде чем решил: уж теперь она никак не должна обгонять мою прозу.

Удовлетворитесь печатанием “Октября Шестнадцатого” и, пожалуйста, не предлагайте мне других проектов.

Напоминаю Вам, что я просил присылать мне простой бандеролью по почте каждый один экземпляр журнала с “Октябрём”. До сих пор не получил №1. (А ещё один экземпляр, пожалуйста, передавайте В. М. Борисову).

Всего доброго.

А. Солженицын”.

За этим письмом вскоре последовало ещё одно с высокомерными упрёками:

“Уважаемый Станислав Юрьевич!

Вы переслали мне сейчас без всякого сопроводительного письма гранки Вашего № 4.

Из них я вижу, что Вы свели отрывок из “Октября” до уродливо-малой пародии (1/30 часть всего объёма книги). При таком отрывчатом чтении читатель теряет всякое ощущение книги. Надо ли это так понять, что Вы хотели растянуть “Октябрь” ещё и на 1991 год? Я не даю на это согласия. На чём кончите в декабре 1990, на том и кончим. Журнальное печатание “Октября” ещё и в 1991 году для меня не имеет никакого смысла.

Ещё моё исходное условие было: всем журналам, печатающим меня, высылать самим на Вермонт 1 экз. простой авиабандеролью. Ваш журнал этого не делает. У В. М. Борисова хватает другой нагрузки, чтоб ещё собирать и посылать мне все журналы.

Телеграмма была – о встрече, но я, чтобы не разрушить свою работу, уже много лет ни с кем не встречаюсь.

Всего доброго.

А. Солженицын”.

Получив это письмо, помнится, что я вздохнул с облегчением: слава Богу, что упорствующий в гордыне автор не даёт согласия печатать бесконечный “Октябрь” в 1991 году. А что касается “телеграммы о встрече”, то речь шла о том, что делегация советских писателей, в составе Л. Бородина, Ст. Куняева, Э. Сафонова, В. Лихоносова, О. Михайлова, П. Горелова, на месяц приехавшая в мае 1991-го в США, готова встретиться с Исаичем. Но раз он “много лет ни с кем не встречается”, то и ладно. Как говорится, баба с возу – кобыле легче. По крайней мере, я думал так, а другие – Виктор Лихоносов, Олег Михайлов – огорчились. Но ненадолго...

“30. 9. 90

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Почта ходит порой так плохо, я на Вашу телеграмму от 19 сент. ответил через В. М. Борисова. Однако пишу прямо, хотя это письмо может прийти к Вам нескоро.

Я удовлетворён Вашим заявлением, что Вы поместитесь с “Октябрём Шестнадцатого” в 1990 году, хотя Вы создали для этого уже очень трудные условия: то печатали его ничтожными порциями, а теперь придётся форсированно. Но на 1991 – решительно не переносим его.

Из того, что я вообще собираюсь печатать в 1991 году, предложить мне Вашему журналу, к сожалению, нечего: тома “Марта” уже разобраны, а что буду печатать меньшее по объёму – то всё в “Новом Мире”, больше нигде. Да, собственно, почти всё моё уже и распечатано, иногда пиратски некрасиво, но не подавать же на них в суд! Недостойно поступают.

Передайте привет Эрнсту Ивановичу Сафонову, я надеюсь, он получил мой ответ.

Всего доброго.

P. S.

Ваш журнал имеет обычай в начале года отмечать “премиями” авторов, печатавшихся в минувшем году. Пожалуйста, не применяйте этого к “Октябрю”, это только часть “Колеса”, не оконченного.

А. Солженицын”.

На этом наша переписка и закончилась бы, но чёрт меня дёрнул написать в конце 1993 года вермонтскому олимпийцу ещё одно письмо, которое, в сущности, послужило поводом к разрыву наших странных отношений. Мне и сейчас неловко публиковать это письмо, но я помню, что в то время, когда я его писал, я был в полном отчаянье:

Уважаемый Александр Исаевич!

“Наш современник” – сейчас самый популярный литературный журнал России. В подписной кампании 1993 года мы вышли на первое место, обогнав когда-то преуспевавших гигантов отечественной журналистики “Новый мир”, “Знамя”, “Юность”. Может быть, сие произошло потому, что “Нашему современнику” удалось, в отличие от конкурентов, удержать в числе своих авторов лучших писателей и публицистов России: Валентина Распутина, Игоря Шафаревича, Василия Белова, Леонида Бородина, Владимира Солоухина, Вадима Кожинова, Виктора Астафьева, Владимира Максимова, Льва Гумилёва, Бориса Можаева, Олега Васильевича Волкова.

Все наши литературные конкуренты сделали ставку в последние два-три года на литературу 3-й эмиграции или на авторов, живущих в России, но мыслящих и пишущих в том же русле, что и Войнович, Горенштейн, Синявский. Этим я в сущности объясняю катастрофическое падение читательского интереса к ним и наоборот – устойчивую читательскую любовь к нам.

И, однако, Александр Исаевич, наш самый популярный и самый значительный журнал сегодня находится тоже на краю пропасти, но по другой причине. наших подписных денег из-за беспредельной инфляции хватает лишь на 3–4 номера из 12, остальные приходится издавать в долг. Издания типа “Знамя” и “Октябрь” серьёзно помогает фонд Сороса – а нам никто. У нас к концу года накопилось более 30 миллионов рублей долга (это 25–30 тысяч долларов).

Если мы в ближайшие месяцы не выплатим этот долг издательству и типографии, то журнал будет объявлен банкротом и закрыт. И тогда Распутину, Белову, Шафаревичу, Владимиру Осипову, Бородину негде станет печататься. Закрытие журнала для русской культуры – это катастрофа, равносильная закрытию Большого театра или Третьяковской галереи.

Вы всегда помогали инакомыслящим и гонимым. Теперь коренная русская литература и её главный журнал оказались в положении инакомыслящих. И это не случайно. Многих из людей, известных Вам, история так же передвигает в стан инакомыслящих, что произошло, к примеру, со Ст. Говорухиным, ответ которого на кровавые события октября посылаю Вам.

Уважаемый Александр Исаевич! Можно ли надеяться на помощь Солженицынского фонда или на Вашу личную поддержку? Помогите погасить русской литературе хотя бы часть долга перед диким рынком, уничтожающим её.

С надеждой и уважением,
Ст. Куняев”.

Я послал Солженицыну журнал со статьёй Говорухина “Великая криминальная революция” с надеждой, что он поймёт меня, но получил в ответ вполне заслуженный и холодный отказ:

“23.11.93

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Получил Ваше письмо от 17.10.93.

Что добросовестные писатели в условиях сегодняшнего разгона пошлой наживы потеряли возможность публиковаться (как и вообще катастрофически падает русская культура), я знаю со всею горечью. Надеюсь, после моего возврата в Россию нашему Русскому Общественному Фонду удастся иным из них помочь в этом – не обязательно в журнальной форме.

Но в окружении жестоких страданий покинутых стариков (и особенно – бывших эзков), разоружения всех элементов детского воспитания, школьного образования, разорённых и протекающих православных храмов нам не под силу поддерживать ещё и периодические издания с каким бы то ни было партийным направлением. (Мы и собственные – разумеется, полностью убыточные – серии ИНРИ и мемуарную ВМБ продолжаем при большом напряжении сил и средств).

Прискорбно, что русские патриотические круги вместо праведного отстояния народных интересов прислонились за поддержкой к лицемерным коммунистам, обьявившим себя “народолюбцами” после 70-летнего одурманивания и уничтожения этого самого народа. Так, в частности, и Василию Ивановичу Белову (его открытое письмо ко мне, 90.9.93) никак бы не уместно величать брежневскую фальшивку “конституцией”. Праведный дух устаивает и побеждает только в полной чистоте. (Я, разумеется, не в личной претензии к В. И., и передайте ему от меня привет.)

Всего доброго.

А. Солженицын”.

А открытое письмо Василия Белова Солженицыну, напечатанное в “Советской России” 30.9.1993 года, было куда более суровым, нежели мои письма. Василий Белов разглядел Солженицына гораздо подробнее, нежели я:

“Здравствуйте, Александр Исаевич!

Решение обратиться к вам с открытым письмом вызвано весьма разнообразными обстоятельствами. Назову два, может быть, самых главных: боязнь выглядеть фамильярным и очень сильное желание узнать, действительно ли вы одобрили антиконституционный указ Ельцина? Зная лживость нашего телевидения, я не поверил этому сообщению. Они показали ваш тюремный портрет и теперь ежедневно твердят, что Солженицын чуть ли не горой стоит за “всенародно избранного”.

Всё пущено в ход. И ваша эковская телогрейка, и роскошный фрак Растроповича. Президент слушал около ленинских мощей прокофьевскую кантату. Вряд ли он что услышал и понял, в его и без того убогом лексиконе слово “русский” вообще отсутствует. Но понял ли, что происходит в Москве, ваш сын? Видел ли он, как на другом конце Арбата мелькают другие дирижерские палочки? Вчера на подходе к дому нашего младенческого парламента дюжий омоновец на моих глазах ударил пожилую женщину. Целые стаи омоновцев бросились на москвичей, спасая яковлевскую демократию. Я не сторонник ни президентских, ни парламентских способов правления, эта тема требует отдельного разговора, но там, на подходах к зданию Верховного Совета, в любую минуту может полыхнуть кровавая драма.

Москва сейчас – самая горячая точка! А средства массовой информации, в том числе и хвалёные, западные, показывают одного Шеварднадзе. И дуют в одну и ту же дуду: долой Российский парламент...

Вчера “Новости” показали вас выступающим в Вандее. Что ж, может быть, вы и правы в том, что не торопитесь в Москву. Торопиться и впрямь не стоит, говорю это без малейшего ехидства. Костоломы ельцинского ОМОНа намного опытнее тех, которые, отправляя вас во Франкфурт, под руки вели вас “по трапу на борт”. Цензура, одобренная безденежьем, издателей, ещё более удушлива. Нынче яковлевская пропаганда стала изворотливее и хитрее. Писатель Черниченко, к примеру, вкупе с о. Глебом требует от начальства активнее применять физическую силу. На мой взгляд, надо заново создавать независимую русскую прессу за рубежом. Здесь, хотя от марксизма-ленинизма остались одни головешки, свобода (то есть бумага и микрофоны) существует в основном для порнографии и рок-шаманства. Все остальное либо вообще в загоне, либо на самом последнем месте. Россия постепенно привыкает к латинскому шрифту. Почти все журналистские авторучки и телекамеры – в руках внуков-правнуков Троцких и Свердловых. Ничего, по сути, не изменилось.

Кстати, почему вы прекратили публикации документов по новой русской истории? Это было очень нужные публикации.

Но я уже злоупотребляю вопросами. Да и времени разбираться во всём этом нет; на Краснопресненской набережной днём и ночью горят костры.

Надеюсь на ваш публичный ответ. В. БЕЛОВ. Из Москвы, 28 сентября 1993 года.

P. S. Главный редактор “Комсомольской правды” отказал мне в публикации. Он предложил дожидаться вначале вашего ответа и напечатать письмо вместе с вашим ответом. Странно. Откуда ему известно, что вы ответите? Тем временем вокруг депутатского дома появились проволочные заграждения...”

Письмо В. Белова не оставляло камня на камне от капризных писем “вермонтского пророка”. И конечно, слова Солженицына о “праведном духе” и его “полной чистоте” на фоне беловского письма выглядят лицемерно и фальшиво.

Следующее драматическое появление имени Солженицына в “Нашем современнике” случилось в 1998 году, когда страна отмечала его восьмидесятилетие. За истекшие с 1993 года пятилетие многое в его облике — и в творчестве, и в судьбе — прояснилось. Многие страницы “Архипелага” были внимательно прочитаны честными историками и справедливо объявлены конъюнктурными и даже лживыми. Многие его утверждения о “десятках миллионов” жертв сталинских репрессий были признаны придуманными автором, опирающимся не на документы, а на слухи и разговоры. Выплыли наружу и факты сотрудничества автора с администрациями лагерей, в которых он коротал свои сроки. Прояснились некрасивые обстоятельства его ареста в конце войны... Да и его романы и повести, на которые он, сгораемый ревностью к Шолохову, так надеялся, не получили должного признания. Ни “Раковый корпус”, ни “В круге первом”, ни “Случай на станции Кречетовка”, ни “Красное колесо” не стали хрестоматийными... Более того. Многие русские мыслители русской эмиграции — Владимир Нилов, Василий Криворотов, Владимир Максимов, — хотя и с большим опозданием, но трезво осмыслили роль Солженицына в разрушении Советского Союза и написали об этом бесстрашно и честно. И “Нашему современнику” тоже пришлось пересмотреть свою оценку и жизни, и творчества того, кого, словно “мессию”, встречали на вокзалах, на всех станциях от Владивостока до Москвы толпы обезумевшего от отчаяния народа.

Вот тогда-то в 11-м и 12-м номерах “Нашего современника” за 1998 год, сдвоенных из-за недостатка средств, мы опубликовали статью Владимира Нилова “Образованец обустривает Россию”. Вот каким было предисловие к этой публикации:

“Лев Александрович Волин — блестящий врач, спасший жизнь сотням людей, наш давний друг, с которым мы и спорим, и полемизируем, и боремся за общее Русское дело.

Лев Волин с 1949 года живёт на Западе. Как и Григорий Климов, в своё время он перешёл в Западную зону Германии. Советский суд вынес ему свой приговор, который был гораздо серьёзнее и страшнее, нежели приговор, вынесенный Солженицыну, так что с этой точки зрения Волин имеет полное моральное право писать об авторе “Архипелага ГУЛАГ” всё, что он пожелает написать. Он мог бы продаться разведкам и “Свободам”, мог бы безбедно жить, проклиная Россию. Но этого не случилось. Именно в Америке Волин ощутил себя русским патриотом. Он стал публицистом Владимиром Ниловым, которого знает весь патриотический мир России. Его блестящие аналитические, исторические, публицистические работы печатают в “Завтра”, в “Исторической газете”, в “Молодой гвардии”, в “Москве”, в “Нашем современнике”. Владимир Нилов — золотое перо русской публицистики”.

А далее шёл текст этого антисолженицынского манифеста, как будто написанного в наше время:

Образованец обустривает Россию

(к выходу книги А. Солженицына “Россия в обвале”)

Солженицын — профессиональный, заклятый и яростный антикоммунист. Он пронёс свой антикоммунизм бесслабно через всю свою жизнь. Его антикоммунизм — бескомпромиссен, он не знает никаких ограничений — вплоть до гибели России. То жуткое настоящее, в котором ныне обретается Россия, — колониальный статус с фактической потерей независимости, разваленная армия, голодающее население, погибающая промышленность с многомиллионной безработицей, гибель науки, демографическая катастрофа, когда за семь “демократических” лет погибло 8 млн человек, — не вызвало у него и тысячной доли тех эмоций, которые вызывают у него и поныне советский строй, которого больше нет. И это при ясном понимании, что ельцинский режим состоит

“из временщиков криминальной власти” и что страна живёт в “той смрадной неразберихе, в какую они увязили жизнь России”. Солженицын знает, чья власть в России, цитируя Березовского, который “прямым текстом” заявил: “У нас власть капитала”. Семибанкирщина “контролирует высшую власть над Россией... почти 50 процентов экономики России – уже в их руках, а будет и больше. По самым новейшим данным, 15 крупнейших компаний и банков контролирует 70 процентов экономики страны... и теперь бесплодно было бы взывать к их... совести”. Здесь Солженицын проявил качество, которое подметил в нём хорошо знавший его В. Максимов: “... наш ниспосланный нам свыше мессия умеет не только говорить к месту и времени, но также своевременно и уместно помалкивать” (“История одной капитуляции”). Вот почему Солженицын не упомянул, что у пятерых из семибанкирщины неблагополучно с пятым пунктом”.

Этот “космический эгоцентрист” (В. Максимов) до сих пор настаивает, что мысли, высказанные им четверть века тому назад об отсечении Кавказа и Средней Азии от СССР, до сих пор верны. В “Раскаянии и самоограничении” он призывал дать “всем окраинным и заокраинным народам подлинную волю самим решать свою судьбу”. Но народы не хотели развала СССР и огромным большинством проголосовали в марте 1991 года на всесоюзном референдуме за сохранение целостности страны. Распад страны был навязан сверху против воли народов Союза, к чему, кстати, приложил свою руку Солженицын. Но этого мало. “Контурсы СССР – для нашей страны невозвратимы, и всякие побуждения к тому надо покинуть... а в нас самих этот лозунг только подавляет собственное национальное сознание... Россия в нынешних границах самодостаточна...”.

Из этих мыслей Солженицына следует, что он поставил крест и осудил русскую историю, и против возрождения страны в границах 1945 года. Он пересматривает итоги войны, лишая Россию плодов Победы, а говоря о “заокраинных народах”, он явно имеет в виду государства Восточной Европы, вошедшие в сферу влияния России. Невозможно себе представить, чтобы англичанин, француз или немец обратился к своему правительству с советом отпустить “на волю”, англичанин – Шотландию и Уэльс, француз – Эльзас и Лотарингию, населённую немцами, Нормандию, где живут потомки скандинавов, Бретань с кельтами, на юго-востоке – басков (гасконцев), а немцы добровольно согласились бы отдать захваченные у славян земли между Эльбой и Одером. Такого “интеллектуала” среди европейцев как трудно вообразить, так и не трудно представить, что последовало бы за таким обращением: его <бы> высмеяли, посадили бы в сумасшедший дом или предали суду военного трибунала. Не требуется быть политологом, чтобы сообразить, что отказ от исторических владений Российской империи незамедлительно ухудшит геополитическую ситуацию нашей страны. Самое поверхностное знакомство с историей убеждает, что малые государства из-за своей слабости не обладают суверенитетом, ибо суверенитет в последней инстанции означает мощь и волю постоять за свою независимость.

Малые государства своим бессилием обречены быть клиентами и марионетками больших государств. История, как и природа, не терпит пустоты: вакуум, образованный уходом России, не даст “окраинным и заокраинным народам подлинную волю решать свою судьбу”, ибо место России будет немедленно занято США, чья враждебность России признаётся самим Солженицыным. Он напоминает, что “Антанта уже бесстыдно делила её [Россию] в гражданскую войну”, что “Киссинджер и Бжезинский уже не раз высказывались с полной откровенностью (“лишняя” страна на карте мира). Правительство США десятилетиями ждало поражения и развала Советского Союза – это естественно. Но в нашей стране мало кому известен закон PL 8690 от 1959 года, который требовал от президента расчленения нашей страны”.

Это верно: в нашей стране этот закон мало кому известен, но Солженицыну, который прожил в Штатах 20 лет, он был известен более чем хорошо. Но за все 20 лет своего пребывания в США Солженицын словом не обмолвился об этой акции конгресса, он не выразил протеста и возмущения против этого бандитского закона, приговорившего нашу страну к смерти. По сути, он выразил согласие с ним, когда на пресс-конференции в Вашингтоне в 1975 году сам призвал Штаты: “Вмешивайтесь, прошу вас, вмешивайтесь в дела России”. Не потому ли он молчал 20 лет? А ныне надел маску патриота, чтобы

легче было водить народ за нос. Это заявление – власовщина чистойшей воды... Если бы Солженицын в 1941–1942 году попал в плен, то он, вне всякого сомнения, присоединился бы к Власову. Не потому ли другие, “нормальные” ээки в концлагере, называли его “фашистом”, как он сам об этом пишет. Там же он составил себе мнение о национальном вопросе в Советском Союзе от самостийников и сепаратистов.

Развал страны, предложенный Солженицыным как одна из мер по оздоровлению России, на деле оборачивается услугой Западу в его вечном стремлении стереть нашу страну с карты мира.

Сталин и народ под его руководством сокрушили авторов и исполнителей плана “Барбаросса”, а Ельцин и его шайка сами добровольно проводят этот план в жизнь. Только ныне, в правление “демократического” Ельцина, народ полностью уяснил себе, кто убийцы, и только человек без чести, ума и совести мог написать такое, это всё равно, что плюнуть народу в лицо.

“Неужели при всём его почти космическом эгоцентризме он, наконец, настоящему не увидит, не почувствует пронзающей сердце боли своей раздавленной, униженной, разрушенной до основания страны? Неужели опять, во имя неких более возвышенных соображений, “отпустит себе все долги”, промолчит, не назовёт вслух главный источник всех наших сегодняшних зол и бед? Неужели удовлетворяется жалкой ролью частного конфидента при пьяном самодуре, сознательно и беспощадно изничтожающем нашу общую родину – Россию? Неужели не выкрикнет в лицо своему кремлёвскому собеседнику и окружающей его алчной банде, да так, чтобы услышал весь мир, то, о чём ещё не смеет или не имеет возможности прокричать сам вконец измороженный ими народ? Не верю. Не хочу верить!” (В. Максимов “История одной капитуляции”).

Прошло четыре года с того времени, когда были написаны эти строки, но Солженицын не выкрикнул в лицо пьяному самодуру, что он и его камарилья из себя представляют и что думают о них люди, он не призвал народ вышвырнуть алчную банду из Кремля и посадить её на скамью подсудимых, он не призвал Русь к топору. У Солженицына нет никаких “высших соображений”, если не считать его фанатического антикоммунизма, в котором нет и грана заботы о России и народе. Он готов пожертвовать родиной, лишь бы не вернулась ненавистная ему советская власть. Антикоммунизм такого рода ставит его в один ряд с Бандерой, Власовым, Шкуро и Красновым, это антикоммунизм на службе врагов России, а его инвективы против ельцинского режима не более, чем маска на предательстве. “Антикоммунизм” сделал его интеллектуально бесчестным...”

Нилов одним из первых патриотов разглядел сущность “предательского бесчестия”, которым был до зубов вооружён Солженицын. И это лишь одна из многих страниц его статьи 1998 года.

Но, как оказалось, “солженицынская прививка” к 1998 году не была изжита в организме “Нашего современника”. Сразу же после выхода журнала со статьёй Владимира Нилова, вспоминая которого Василий Белов в те дни убеждал нас, что “надо срочно перепечатать двухтомник Нилова в России”, ко мне в кабинет пришли трое членов редколлегии – Валентин Распутин, Игорь Шафаревич и Владимир Бондаренко с ультиматумом: напечатать их коллективное письмо. Они были возмущены тем, что “Наш современник” опубликовал статью Нилова. Но я уже знал, что Кожин отказался подписать это письмо, и не чувствовал себя в одиночестве, как это было в 1991 году.

– Я опубликую ваше письмо! – сказал я своим друзьям, – но одновременно попрошу читателей откликнуться – кто из нас прав.

Текст письма, подписанного моей любимой троицей, был опубликован в апрельском номере журнала за 1999 год:

“Уважаемый Станислав Юрьевич!

В последнем номере “Нашего современника” за минувший год была напечатана статья В. Нилова, посвящённая А. И. Солженицыну, под названием “Образованец обустраивает Россию”.

Нет нужды останавливаться на том, что творчество Солженицына и сама его личность вызывают к нему по разным причинам сложное отношение – от

полного неприятия до полного согласия и восторга. Каждый из нас волен высказать своё отношение к творчеству Солженицына и его личности, когда и где угодно. Но в жизни любого человека наступают такие дни, называемые юбилеями, когда ему приличествует посылать или поздравления, или с достоинством промолчать, если добрых слов для него не находится. Статья публициста В. Нилова была написана и прислана не к юбилею и вполне могла быть опубликована на страницах журнала в любое время с правом на дискуссию. Почему журнал, объединяющий все патриотические силы России, по праву считающийся знаменем всей русской национальной культуры, от Бондарева до Солженицына, журнал, ещё не так давно публиковавший роман самого писателя с его же доброго согласия, именно в юбилейные дни предпочёл опубликовать лишь негативную статью В. Нилова, не найдя места для противоположного мнения? Выражает ли этим материалом журнал “Наш современник” мнение всех своих авторов и читателей? Мы считаем, что даже такой принципиальный орган левой патриотической оппозиции, как газета “Советская Россия”, поступил более объективно, опубликовав и две положительные заметки, и полемическую, но явно доброжелательную по отношению к юбиляру беседу с В. Кожинным, и жёсткий, достаточно суровый разбор М. Лобанова. Это более соответствует истинному отношению к Солженицыну разных слоёв патриотической части нашего общества.

А. И. Солженицын не нуждается в снисхождении. 80 лет назад, в декабре 1918 года, в России родился крупный талант, имя которого знает весь мир. Редакция журнала “Наш современник” может не признавать Солженицына как художника и мыслителя (хотя печатали – значит, признавали), но отзываться на его юбилей лишь ругательной статьёй, мы считаем, не следовало, прежде всего, по этическим мотивам. И это, прежде всего, решение не эмигрантского патриотического публициста В. Нилова, имеющего полное право на своё мнение, а журнала “Наш современник”, так своеобразноотреагировавшего на юбилей своего же автора, крупного русского писателя.

Мы с этой публикацией журнала в юбилейные дни писателя решительно не согласны. Надеемся, что наше мнение дойдёт и до читателей журнала.

Члены редколлегии:

Владимир Бондаренко, Валентин Распутин, Игорь Шафаревич

Редакция предлагает читателям высказать своё мнение по поводу публикации Вл. Нилова (№ 11–12 за 1998 год) и данного письма трёх членов нашей редколлегии.”

В ответ трём знаменитым писателям стали приходиться читательские письма. Вот несколько отрывков из них:

“Три весьма уважаемых члена редколлегии полагают, что А. И. Солженицын – крупный русский писатель. Вопреки мнению ряда профессионалов, я – русский человек, воспитанный на произведениях отечественной и иностранной классики, – отнёс бы этого писателя к временщикам. Все пропели дифирамбы этому “живому классику”, а “Наш современник” не соблазнился. Но этого недостаточно, если вспомнить, что идёт планомерное разрушение “малым народом” (Игорь Ростиславович!) России, а “живой классик” в толстых журналах умиляется весьма посредственным русскоязычным стихотворцам и писателям и особенно тому, что они в “этой стране” не забывают о своей национальной теме. Александр Исаевич ничего зря не делает: юдофильство пригодится...”

Так кто он, Александр Исаевич? Как писатель – скучен и тенденциозен безмерно. Может быть, исследователь новейшей истории? Но исследователь должен быть беспристрастен. Правда, А. Дюма и наш Ю. Семёнов исторические сведения излагали почти в том же ключе, как и Александр Исаевич, но это было захватывающе интересно. А полуисторические описания Солженицына едва ли кто способен дочитать до конца. Публицист он тоже не ахти какой. Уж очень осторожен и тривиален даже в самых смелых своих высказываниях. Так кто же он? На мой взгляд, общечеловек горбачёвского типа, обладавший определённым талантом литератора, растративший его в антисоветской злобе.

К диссиденту же А. И. Солженицыну я лично был бы совершенно равнодушен, если бы он однажды в угоду русофобам активно не поддержал клевету на М. Шолохова. Русскому человеку, да ещё и литератору, совсем не нужны компьютерные данные, чтобы безошибочно распознать манеру письма, пафос, юмор этого великого писателя. Злобная клевета на русского гения и талант — “две вещи несовместные”.

А. А. Сидоров,
член-корреспондент РАН”.

* * *

“В. БОНДАРЕНКО, В. РАСПУТИНУ, И. ШАФАРЕВИЧУ

Ну, и Бог с Вами, не соглашайтесь!

А я вот вполне соглашаюсь и с автором статьи “Образованец обустроивает Россию” В. Ниловым, и “с этой публикацией журнала” даже в декабрьском номере — в канун юбилея А. Солженицына. Все, кто оплёвывает советскую власть, мне противны. А уж такие фарисеи, как Солженицын, совсем не по нутру. А вас, други мои, считаю слишком мягкотелыми и не советую вносить разногласия в редколлегию.

П. Васильева”.

* * *

“Хочу высказать своё мнение по поводу публикации (в № 11–12 “НС” за 1998 г.) В. Нилова “Образованец обустроивает Россию”. Что я думаю о Солженицыне? Он был тогда диссидентом, а это течение внедрялось и управлялось в СССР мировым сионизмом. Сионисты осадили “эту страну” и длительно проводили раскачку устоев по всем направлениям, и диссиденты занимали видное место в этой работе.

И. Иванов”.

* * *

“Полностью согласен со статьёй В. Нилова в отношении А. И. Солженицына “Образованец обустроивает Россию” и с тем, что Вы её опубликовали в № 11–12 за 1998 г. “Нашего современника”. Статья нужная и своевременная. В. Нилов абсолютно верно оценил Солженицына как врага нашей Родины и прислужника Запада, а антикоммунизм у него — просто прикрытие.

Меня удивляет письмо трёх весьма уважаемых членов редколлегии, писателей и публицистов В. Бондаренко, В. Распутина и И. Шафаревича с предложением опубликовать о Солженицыне не только разгромную статью Нилова, абсолютно правильную, с моей точки зрения, но и юбилейно-похвальную к 80-летию Солженицына под тем предлогом, что раньше в журнале публиковались некоторые его писания и напечатаны поздравления к его юбилею в “Советской России”. Что когда-то в “Нашем современнике” были напечатаны некоторые сочинения Солженицына, то это большого упрека не заслуживает. Тогда его враждебность стране не проявилась достаточно определённо, и наша Родина ещё не была разрушена. Сейчас же облик этого прислужника Запада очевиден всем, кто болеет за нашу Родину, которая находится в тяжелейшем положении, вина за это лежит и на Солженицыне, боровшемся с ней практически с 1944 г. Публикация же в патриотическом издании поздравления врагу — это удар по всем патриотам и заморочка сознания читателей. По поводу беспринципного поздравления Солженицыну в “Советской России” я написал в редакцию возмущённое письмо. Но редакция газеты отчасти реабилитировала себя публикацией в номере от 24.12.98 г. беседы М. Лобанова с В. Кожемяком под заголовком “Светоносец или лжепророк”, в которой даны доподлинительные штрихи к портрету Солженицына.

Удивительную слепоту проявляют к нему три автора письма, и весьма верно его оценивают так называемые простые люди. В. Нилов приводит

в предпоследнем абзаце своей статьи сценку о том, как пожилая, плохо одетая женщина дала словами лёгкую взбучку некоему профессору Юдину за восхваление Солженицына: "... он же наш! Он продан Западу!"

Уважаемый Станислав Юрьевич, ни в коем случае не публикуйте хвалебных од этому "мессии", призванному участвовать в уничтожении русского народа и России.

Бобров А. В. "

* * *

С некоторым удивлением прочитал в четвёртом номере журнала "Наш современник" за нынешний год "Письмо в редакцию", подписанное глубоко уважаемыми мною деятелями русской литературы и культуры Владимиром Бондаренко, Валентином Распутиным и Игорем Шафаревичем. В письме высказывается нарекание на то, что редакция журнала "Наш современник" отозвалась на 80-летний юбилей А. И. Солженицына ругательной, по мнению авторов письма, статьёй В. Нилова "Образованец обустроивает Россию" (№ 11–12 за 1998 год).

Во-первых, статья В. Нилова ничуть не показалась мне ругательной, хотя и не везде выдержана в корректном тоне. А потом, почему это журнал должен публиковать о том или ином деятеле в его так называемые юбилейные дни непременно "уравновешивающие" материалы, как того требуют авторы письма, но нет ли здесь определённого лукавства? Ведь одно дело – непосредственное обращение к юбиляру – тут действительно приходится выбирать между поздравлением или умолчанием.

Когда же речь идёт о творчестве писателя, о его гражданской позиции как о части общего литературного дела, то "юбилейными нормами" (они зачастую выливаются в сплошное славословие) можно, пожалуй, и пренебречь, что и сделала редакция "Нашего современника" по отношению к А. И. Солженицыну.

Короче говоря, не сумели меня убедить В. Бондаренко, В. Распутин и И. Шафаревич в "ошибочности" публикации статьи В. Нилова на страницах "Нашего современника".

Николай Кузин,
Екатеринбург".

* * *

"Уважаемый Станислав Юрьевич, друзья!

Считаю своим долгом откликнуться на ваше предложение и высказать своё мнение по поводу статьи В. Нилова "Образованец обустроивает Россию" и письма В. Бондаренко, В. Распутина и И. Шафаревича.

Вот передо мной статья Вл. Нилова и письмо, подписанное нашими выдающимися, без капли иронии, гражданами и русскими патриотами. Да простят меня В. Бондаренко, В. Распутин и И. Шафаревич, несмотря на всё моё почитание и преклонение перед ними, в данном случае, по отношению к Солженицыну я целиком и полностью на стороне Вл. Нилова и редакции "НС".

Я отдаю себе отчёт в том, что и В. Нилов, и редакция "НС", и я, присоединившийся к ним, можем ошибаться в оценке "крупного таланта, имя которого знает весь мир", но также есть ощущение, что авторы письма исходят не из объективных, а из личных, извечно русских мотивов жалости, сострадания, "снисхождения", может быть, под впечатлением каких-то личных связей с Солженицыным и тайного желания перетянуть его в стан русских патриотов.

Не знаю, как В. Нилов и редакция "НС", я лично ничем господину Солженицыну не обязан, никаких чувств, кроме ненависти, я к нему не испытываю и считаю, что он не только "не нуждается в снисхождении", он вообще не заслуживает никакого снисхождения.

И вот почему. Все мы, русские люди, так или иначе, несём каждый свою долю ответственности за то, что произошло у нас и с нами в СССР–России. Всё дело в степени этой вины. Я полагаю, вина Солженицына огромна, она

такая большая, что её ему не искупить ничем, и чем дальше мы вместе с Россией погружаемся в бездну, тем меньше у него шансов искупить свою вину.

Авторы письма упрекают редакцию в неэтичности публикации В. Нилова во время юбилея Солженицына. Не знаю, как у кого, но у меня никакая логика и эстетика не лезет на ум, когда почти физически ощущаешь “масштабы трагедии, гибели самого непокорного народа в мире” (А. Даллес): кровь и слёзы миллионов беженцев, искалеченных и погибших в кровавых конфликтах, миллионы детей-беспризорников, брошенных стариков и инвалидов, разгромленное народное хозяйство, расцвет преступности, наркомании, пьянство, растлевающее влияние, разгром армии и флота и т. д., и т. п. И вот когда обо всём этом думаешь, то трудно найти, при всем желании, добрые чувства к тем, кто стоял у истоков прокатившегося по всей Руси погрома. Вообще, честно говоря, юбилей и почести “новоявленному мессии” уместнее всего справлять где-нибудь на Западе, например, в США. Ведь он столько сделал для американских национальных интересов, как мало кто! Его фигура достойна занять своё место рядом с Горбачевым, Яковлевым, Шеварднадзе, Ельциным, Сахаровым, тем более, что именем последнего названа, за заслуги перед американцами, улица, если не ошибаюсь, в Вашингтоне, а разве Солженицын “хуже”?

В заключение хочу пожелать всему коллективу любимого “Нашего современника” здоровья, стойкости и мужества в борьбе с врагами Отечества!

Анисимов Сергей Иванович, г. Норильск”.

Я перечитываю эти письма и просто поражаюсь тому, что “простые советские люди” знали и понимали двадцать с лишним лет тому назад, кто такой Солженицын, точнее и глубже, нежели “инженеры человеческих душ”.

* * *

“Дорогая редакция!

Творчество Солженицына и его личность особенно вызывают у меня полное неприятие.

Он – враг моей Родины (а стало быть, и мой), он употребил все свои силы, весь свой холодный, расчётливый фанатизм на её уничтожение, а потому он мой личный враг, на самом сокровенном уровне моей души, такой же враг, как какой-нибудь Гайдар, Чубайс, Ростропович и иже с ними. И я ненавижу его, впрочем, как и он меня, совка, и всё, что мне было дорого и свято. Я никогда прежде (до той катастрофы) не предполагала, как много значат для меня слова “Родина, Отчизна”, насколько это глубоко личное, интимное переживание. Я вместе со всеми в бесконечных “кухонных” дискуссиях могла ругать власти, номенклатуру (в том числе и партийную), но чего я совершенно не выносила – это противопоставления: “вот у нас” – с брезгливой гримасой и “а вот у них” – с подобострастным придыханием.

Я всегда считала, что мне очень повезло в жизни, что я родилась в СССР, в Москве (которую сейчас у меня отобрали оккупанты, превратив мою гордую столицу в торгово-развлекательно-криминальный центр, куда приезжает “оттягиваться” шушера со всего мира).

И в моих убеждениях меня совершенно не поколебали все потоки грязи, которые демократы (Солженицын в том числе) вылили на нашу историю в приступе “гласности”. А потом я поняла, что многое было просто откровенной клеветой и неправдой. У меня хватает ума понимать, что тяжёлые, трагические, кровавые страницы неизбежны в истории каждого великого народа, без них не обходится становление ни одной великой державы.

Выражает ли этим материалом журнал “НС” мнение своих читателей? Моё и моей семьи – это ещё трое взрослых людей, и моей близкой подруги, которой передаю после чтения журнал, с семьёй, а это ещё 5 человек, где трое детей – одна школьница – и два брата-студента – выражает безоговорочно.

“Крупный талант, имя которого знает весь мир” – а вот это уже слегка нечестный, спекулятивный приём, который не к лицу таким уважаемым авторам. “Весь мир” – это небольшая, политизированная часть западной интеллигенции, которая знает о Солженицыне только то, что он – враг СССР, диссидент,

высланный из страны, и только в таком качестве он ей интересен. И обласкан Западом.

Уж этот пресловутый “весь мир”, последний аргумент несостоятельного спорщика, он своих-то классиков не знает, не то что наших современных писателей! Уж Бондаренко ли этого не знать?

А ведь были люди, которые 10 лет тому назад понимали, что происходит. Вспомните “Слово к народу”. А этот “пророк” ошибся в оценке Ельцина, как самый рядовой обыватель. Мыслитель, который на пороге третьего тысячелетия зовёт Россию к земствам...

Упаси нас, Боже, от таких пророков и мыслителей, которые весь мир, всю историю воспринимают только как фон, как декорации к своему личному жизнеустройству.

И ещё. Я испытываю почти физическую боль, когда пытаются хоть каким-то бочком прислонить Солженицына к Л. Толстому. Сподобились, Лев Николаевич!

Это такое же кощунство, как поминать другого нобелевского лауреата, Бродского, в любой связи с Пушкиным!

Ну, последнее понятно: это делают наши откровенные враги – ... (не решаюсь написать слово, за которое можно схлопотать срок), а в первом-то случае – свои же! Какое-то тотальное помрачение мозгов на исходе XX века! Для меня Солженицын находится к Толстому в таком же отношении, как Н. Михалков к обожаемому им монархам, роль которых он мечтает сыграть уже в жизни. Поневоле напрашивается аналогия – император Александр III лишь погрозил пальцем террористу, готовившемуся швырнуть в него бомбу, и велел отпустить его. Н. Михалков бьёт ногой в лицо парня, уже повязанного, за то, что тот швырнул в него тухлое яйцо. Вот вся и разница, вернее – пропасть в масштабах личности. Замечено не мною, что человечество стремительно деградирует, так что, может быть, и Михалков станет президентом, и Солженицына объявят пророком и мыслителем.

Теперь по поводу “этических мотивов”. О какой этике может идти речь в разгар гражданской войны? Ведь холодная гражданская война не просто идёт, она бушует, и чем дальше, тем непримиримее, и мы стоим по разные стороны баррикады.

Какой этикой руководствовался Солженицын, когда так настойчиво, самотабвенно рушил мою Родину, СССР? Ради чего? Я, глупая, так и не поняла. Я никого не уполномочивала бороться за мои права и свободы.

Я считаю, что мы жили не просто свободно, а даже как-то безалаберно, если, конечно, не считать целью и смыслом жизни поездки за рубеж. Но я никогда не болела этой убогой болезнью. Может быть, потому, что много ездила по Союзу (в командировки и так), подолгу жила в Ленинграде и Красноярске, в Воронеже, Киеве, Ижевске, в Ташкенте и Фергане (а это и Самарканд, и Бухара), отдыхала в Прибалтике, в Крыму и на Кавказе, частенько бывала в Тбилиси и Ереване, кстати, всегда удивлялась их материальному благополучию. Какого рожна им ещё было надо? Я думаю, что все наши окраины сейчас имеют по заслугам, за неблагодарность. Да и мы все – за то же.

Неужели “великому мыслителю” не приходило в голову, что нынешнее состояние России – это единственная альтернатива тому порядку вещей, который он так исступлённо разрушал? И когда он одобрял чёрный октябрь <19>93-го, неужели не подозревал, что ожидает мир через каких-то 5 лет? Если нет, то пусть скажет своим адептам, чтобы они перестали называть его пророком и мыслителем.

Но я думаю, что эта его сегодняшняя поза – опять же хорошо обдуманый, рассчитанный ход, так же, как и отказ от ельцинского ордена.

Теперь последнее. Хочу немного оправдаться. Почему я беру на себя смелость так судить, имею ли я право? Два слова о себе.

По образованию я “технар”. После окончания МВТУ им. Баумана всю жизнь проработала в авиации (а диплом делала у С. П. Королёва, в Подлипках), от молодого специалиста до ведущего конструктора. На моих глазах, начиная с 1986-го года, разваливали и разрушали нашу авиацию (чего стоит один замолкнувший г. Жуковский, если кто знает, что это такое!), делали это “сверху”, профессионально, со знанием дела и человеческой психологии. Сколько тяжёлых переживаний, а впереди ещё страшнее! Хотя я и не пророк...

Журнал “НС” выписываю с 1973 года и по сей день, с небольшим перерывом 3–4 года, на который как раз пришлась смена главных редакторов. И вообще, в старое доброе советское время я много читала. “Иностранную литературу” выписывала с 1960 года и бросила его читать в 90-м году, тогда же бросила читать “Новый мир”, который выписывала с середины 70-х. Я уж не говорю про всякие там “Юности”, “Знамя”, “Роман-газету” и т. д. Журналы любила читать с конца, там, где мелким шрифтом обычно печаталась критика и публицистика. Тут я хочу воспользоваться случаем и ещё раз вспомнить “с благодарной нежностью” своих школьных учителей литературы, которые открыли мне прекрасный мир русской литературы, – великолепных словесников Зинаиду Ивановну и Алексея Павловича Романовских. К сожалению, в наших школах перевелись такие учителя. Алексей Павлович умер давно, а Зинаида Ивановна жива, ей за 80, болеет, конечно, но голова ясная, светлая, по-прежнему много работает, пишет, она – автор учебников, учебных пособий для учителей младших классов, живёт одна в своей прекрасной квартире в высотке у Красных ворот. Как одну из дорогих реликвий хранит ордер на эту квартиру, выданный семье двух московских учителей и подписанный И. Сталиным.

Так вот, если писать не для таких читателей, то для кого же?

Ведь ни одна творческая профессия не имеет никакого смысла без своего читателя, зрителя, слушателя. Так что наберитесь терпения и послушайте нас, убогих.

“Кончаю. Страшно перечесть...”

Софья Абгаровна Авакян
г. Москва”.

Таких читателей, как советская Софья Абгаровна, новая нынешняя Россия, несмотря на все усилия Владимира Владимировича, уже родить не может.

Несколько десятков писем такого рода пришли тогда в 1999 году в редакцию. Перечитываешь их сегодня, и эти пожелтевшие страницы журнала до сих пор жгут тебе пальцы, как будто они написаны только вчера. Читатели журнала не согласились со своими любимыми авторами, с русскими патриотами, со знаменитым прозаиком Валентином Распутиным, с академиком Игорем Шафаревичем, выступления которых в те годы в Новосибирске, в Красноярске, в Иркутске, я уж не говорю о Москве, вызывали у аудитории бурю аплодисментов. Я тому не раз был свидетель...

А Владимир Бондаренко? Его публицистика и его оценки литературной жизни были в те годы нарасхват... И вдруг наши читатели отвергли мнение своих кумиров! Было о чём задуматься всей знаменитой троице. Сама жизнь поправляла их.

Все эти письма мы показали В. Нилову, который подвёл итог этой драматической и неожиданной по результатам дискуссии.

“ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ”

“В “Письме в редакцию” В. Бондаренко, В. Распутина и И. Шафаревича по поводу моей статьи речь идёт о “крупном таланте, имя которого знает весь мир”, т. е. надо полагать, Солженицыне-писателе. Но статья, названная авторами письма “отрицательной” и “ругательной”, была о Солженицыне-политике.

Солженицын и другие снискали себе славу – и состояние – своим бешеным антикоммунизмом, антикоммунизмом вплоть до гибели России. Солженицын довёл свой антикоммунизм до логического конца: Великая Отечественная война для него никогда не была ни Великой, ни Отечественной, но “борьбой двух хищников”. Из такого понимания войны Солженицыным естественно сделать вывод о безразличии для него победы немцев над Россией – хуже бы не было. Так можно дойти и до хвалы Гитлеру и конгрессменам за закон 86–90, требовавший расчленения России! Кстати, в своём бездонном до комичности самомнении Солженицын выступает критиком не только Советского Союза, но и Российской империи: “Пётр был сторонник империи, а я нет”. В общем, Я и Пётр, Я прав, а Пётр нет. В 1974 году Солженицын написал “Письмо вождям Советского Союза”, в котором он предлагал сделать мирным путём то, что не удалось Гитлеру военным – развалить СССР! Или в “Круге

первом” его “любимый герой” дипломат Володин, как пишет М. Лобанов, “мечется по центру Москвы, по Арбату, чтобы забежать в телефонную будку и позвонить оттуда в американское посольство, передать, что в Нью-Йорке советскими агентами готовится похищение секрета атомной бомбы. И какое авторское сопереживание, как бы предатель не попал в лапы КГБ! Ведь ему (Солженицыну) ненавистна сама мысль, что его страна <будет> иметь атомную бомбу”. Или, стоя в церкви, как пишет сам Солженицын, он просил: “Господи, просвети меня, как помочь Западу укрепиться, он так явно рушится. Дай мне средство для этого”. Учитель математики Солженицын в своём злобном антикоммунизме дошёл до геркулесовых столпов нелепости: высчитал, что в мирное время от террора погибло 60 млн человек, а в войну – ещё 44 миллиона. Вадим Кожин высмеял эту статистику, по которой у России не осталось мужчин, и войну у немцев, таким образом, выиграли женщины, старики и дети.

Как вообще мысль взятая Солженицына под своё крыло могла возникнуть у членов редколлегии патриотического журнала перед лицом неоспоримых фактов, свидетельствующих, что их кумир растлевал национальное сознание народа, идеологически готовя страну к предательству России Горбачёвым, Яковлевым, Ельциным? Понимают ли авторы, что прославлением Солженицына они продлевают жизнь издыхающего режима российского квислинга? Доходит ли до них мысль, что они как адвокаты Солженицына дискредитируют самих себя?

Вл. Ниров”.

А вот как подытожил Пётр Палиевский в своей статье о творчестве Шолохова эти страсти по Александру Исаевичу:

“Беда в том, что Солженицын так же понимает красных, как, скажем, Николай Островский – белых. А Шолохов одинаково понимает и красных, и белых, и ещё выше – идущую через них историческую дорогу народа. Пушкин, наш главный ум, хорошо понимал и Екатерину, и Пугачёва. Единственно, кого он не понимал, это перевёртыша Швабрина, который сначала жаловался Петруше Гринёву, что с его приездом встретил, наконец, “человеческое лицо”, то есть окружающих своих за людей не считал, а когда пришёл час, внезапно изменил собственное лицо и, как сообщает Пушкин, стоял за спиной новой власти, “обстриженный в кружок и в казацком кафтане, нашёптывая ей, кого казнить, кого миловать”.

Ну, разве не узнаются в этом облике Швабрина герои-перевёртыши нового времени? Например, Евшуенко, сначала прославлявший Сталина, потом проклявший его, потом прославлявший Ленина и столь же страстно и искренне от него отрёкшийся? Разве не узнаётся в Швабрине талантливый художник, сначала нарисовавший глубокий и сложный портрет Ленина, а потом расчеловечивший его в громадной китч-картине “Торжество демократии”? Разве не узнаётся Швабрин в лице знаменитого поэта, исполнявшего свои стихи под аккомпанемент гитары, сначала прославлявшего Ленина в цикле стихотворений, а потом отрёкшегося и от Ленина, и от “комиссаров в пыльных шлемах” и подписавшего позорное письмо “42-х”, благословившее расстрел полутора тысяч русских патриотов в октябре 1993 года?

Михаил Лобанов в одном из номеров “Русского журнала” за 2007 года писал:

“Знаковый эпизод из романа “В круге первом” повествует о русском человеке Спиридоне, который вещает собеседнику: “Если бы мне, Глебу, сказали сейчас: вот летит такой самолёт, на ём бомба атомная. Хочешь, тебя тут, как собаку, похоронят под лестницей, и семью твою перекроет, и ещё мильён людей, но с вами отца Усатого и всё заведение их с корнем... Я бы сказал, – вывернул голову к самолёту: – А ну! Кидай! Рушь!” И веришь, что вдохновитель этих слов и в самом деле мог бы шархнуть атомную бомбу, снести всю Москву с её многомиллионным населением, “все заведения” государства, лишь бы уничтожить Сталина!”

Призывая “жить не по лжи”, Солженицын в то же время вещал в своём трёхтомнике “публицистики”:

“Мы теряли 30–40 миллионов на “Архипелаге ГУЛага”; “Было 60 миллионов погибших — это только внутренние потери”. Происхождение этих “миллионов” он объяснял тем фактом, что “Архипелаг ГУЛаг” — это не историческое, не научное произведение, а опыт художественного исследования”. “Там, где научное исследование требовало бы сто фактов, двести, — а у меня их — два! Три! И между ними бездна, прорыв. И вот этот мост, в который нужно бы уложить ещё сто девяносто восемь фактов, мы художественным прыжком делаем образом, рассказом, иногда пословицей”.

Вот с каким самоуверенным бесстыдством он объяснял свой “художественный метод”, свою лживую арифметику славистам Цюрихского университета. А в беседе с издателем журнала “Шпигель” в 1987 году разоткровенничался окончательно: “Я ещё не понимал в войну, что нашими победами мы, в общем, роем себе же могилу. Что мы укрепляем сталинскую тиранию ещё на тридцать лет”.

И это он говорил народу, потерявшему в войне более 20-ти миллионов своих сыновей и дочерей на захваченных гитлеровцами землях!

Читаешь эти откровения и понимаешь негодование Владимира Бушина, который поставил эпиграфом к своей книге “Неизвестный Солженицын” девиз нобелевского лауреата: “Отмываться всегда трудно, чем плюнуть. Надо уметь быстро и в нужный момент плюнуть первым...” Поистине, гений “первого плевка” прав: отмываться от этого вырвавшегося из его нутра признания невозможно.

Прошли, отшумели юбилеи Солженицына (80, 85, 90 лет), во время которых телевидение показало несколько сериалов о жизни юбиляра. В консерватории и в зале Чайковского прошли концерты, ему посвящённые, его славили Эдвард Радзинский и Григорий Явлинский, и такие враги России, как Альфред Кох, живущий ныне за бугром, и Борис Немцов. Чем же сегодня чувствует “пророка” Россия, некогда сходявшая с ума от восторга, что он возвращается на родину?

Конечно, возрождение холодной войны заставило апологетов Солженицына забыть его слова о том, что “Америка давно проявила себя, как самая великодушная и щедрая страна в мире” (“Русская мысль” 17.7.1975), щедро размещающая ракеты по периметру Прибалтики, Польши, Украины, Румынии... Не дай Бог кому-то во время столетнего юбилея Александра Исаевича вспомнить его слова, которые он бросил в лицо своим соотечественникам, когда у них ещё не было атомной бомбы: **“Подождите, гады! Будет на вас Трумен! Бросит вам атомную бомбу на голову!”** (т. 3. стр. 52). Нет, сегодня его юбилей облагоустроен мирными инициативами: “Архипелаг ГУЛаг” внедрён в школьную программу с изъятиями неуместной лжи; улица Большая Коммунистическая по распоряжению Медведева демонстративно переименована в улицу имени Солженицына; в Ростове-на-Дону, где Солженицын прожил семнадцать лет, его именем назван проспект. Но этого мало. Там же поставлен памятник “пророку”, что побудило сотни ростовчан подписать письмо властям города о недопустимости памятника в городе Шолохова, который с презрением отзывался о попытках Солженицына оправдать власовцев и бандеровцев, что делают, продолжая дело Солженицына, нынешние украинские самостийники... Перед белгородским университетом сооружена аллея нобелевских лауреатов с бюстами Бунина, Шолохова и Солженицына. Однако студенты требуют добавить в эту компанию Пастернака и Бродского... Лиха беда начало. Но тогда и про бюст Светланы Алексиевич нельзя забывать. Всё-таки мы с Белоруссией живём в одном союзном государстве... Но драматичнее всего положение с монументами во Владивостоке, откуда начался в 1994 году путь нобелевца в Москву... В порту, куда прибыл Александр Исаевич, в 2015 году был водружён памятник ему, но некто Максим Шинкаренко на следующий день повесил на грудь монумента табличку с надписью “Иуда”... Конечно, начался скандал, который тлеет до сих пор. А Зураб Церетели, у которого в запасе давно был изваян Александр Исаевич, поверил слухам, что его кумир родился в Кисловодске, и подарил городу своё нетленное изваяние, вокруг чего и в Кисловодске вспыхнул скандал. Словом, везде, где в том или ином виде материализуется облик гения первого плевка, везде начинаются раздоры и свары. А газета “Литературная Россия” № 31 за 2018 год устами некоего якобы тайного помощника Сулова по фамилии “Байгушев” обнародовала версию о том, что **“Солженицын в войну не просто служил в батальоне**

артразведки, а выполнял определённые задания “красной паутины”. А “красная паутина” в ту пору была самой серьёзной из всех существующих у нас разведок”. По утверждению Байгушева, один из идеологов этой организации, Илья Эренбург, в разговорах с ним “не раз намекал на то, что “красная паутина” помогла вытащить Солженицына из лагеря и перевести в “шарашку”, где были совсем другие условия”.

Все эти сенсации изложены в беседе Байгушева с главным редактором “Литературной России”, неким В. Огрызко. Так что впереди нас несомненно ждут новые неведомые доселе открытия из жизни Солженицына, который из заурядного лагерного сексота на наших глазах превращается в крупнейшего деятеля таинственной спецслужбы, перед которой кажутся ничтожными и КГБ, и ЦРУ, и Моссад, и прочие зловещие аббревиатуры. Впрочем, центральный банк России к столетию “пророка” выпустил в свет серебряную монету с его профилем, к сожалению, всего лишь двухрублёвую, а надо бы стоимостью в 30 сребреников.

Чем похож Солженицын на всех остальных “детей Арбата” – известных “шестидесятников”, “детей XX съезда КПСС”, детей “Оттепели”, – так это способностью на ходу, в зависимости от обстоятельств менять свои убеждения, как перчатки. Возможно, что лагерная жизнь обучила его лицедейству и предательству. Как и Евтушенко, клявшийся при жизни Сталина в любви к нему, к революции и коммунизму и ошельмовавший вождя после его смерти, так и Солженицын сначала изваял роман “Люби революцию”, а в конце войны написал в письмах, проверяемых цензурой, такие суждения о своём Верховном главнокомандующем, после которых был арестован и предан суду по законам военного времени. А впоследствии сочинил эпопею “Красное колесо” – о преступлении любимой им революции. Тюремно-лагерная жизнь научила его фантастическому лицедейству, по законам которого он прожил всю свою долгую жизнь.

Он умел угодить всем политическим, всем идеологическим силам своей эпохи. Чтобы привлечь к себе русских патриотов, он написал книгу “Двести лет вместе” – о сомнительной и зловещей роли еврейства в истории ГУЛага. Чтобы привлечь на свою сторону “пятую колонну” и еврейских интеллектуалов, он разрушал советскую систему, державшую в железном кулаке право человека на перемену гражданства, на выезд евреев из страны, в западный мир или в землю обетованную. Чтобы привлечь к себе православный люд, он выходил к нему с образами Ивана Денисовича и Матрёны. Чтобы завоевать симпатии американских неоконгов, он устами своих литературных героев призывал Америку обрушить на Советский Союз всю её атомную мощь. Он имел в своём арсенале множество лицедейских масок, легко меняющих его личину, и был неуязвим в этом изошрённом и бессовестном актёрстве. “Нам, как аппендицит, поудалили стыд”, – писал Андрей Вознесенский о подобного рода “шестидесятниках”.

Если кто-то упрекал Солженицына в том, что он разрушает СССР, находясь плечом к плечу с Аллой Гербер и Натаном Эйдельманом, он с негодованием мог заявить, что Марк Дейч клеймит его в “Московском комсомольце” как антисемита за то, что он обнародовал имена палачей-руководителей Беломорско-Балтийского ГУЛага: Ягоды, Бермана, Френкеля, Фирина, Когана и Жука.

Во всех физических спортивных единоборствах досолженицынской эпохи – в боксе, вольной и классической борьбе, самбо – всегда были правила, осуждающие запрещённые удары в уязвимые и болезненные части тела: в паховую область, в промежность, в половые органы, в почки, в глаза... Даже в наших уличных драках были запреты – “лежачего не бить”, дерёмся “до первой крови”... И лишь в недавнее время стали необыкновенно популярны “бои без правил”, позволяющие бить ногами в лицо, избивать до полусмерти оглушённого и лежачего противника, наносить ему удары головой, коленями, локтями и т. д. Зрелище отвратительное, но гонорары за такого рода бои – баснословны. Вот и Солженицын ввёл в практику идеологических схваток беззаконие “боёв без правил”, более того, он выходил на поединки, держа в уме одну заповедь: “Надо уметь быстро и в нужный момент плюнуть первым”. Об этом приёме Солженицына драматург Виктор Розов сказал, как отрезал: “Когда прочитал “Как нам обустроить Россию”, я ахнул... Он “первым” призвал разрушить великую единую и неделимую Россию” (“Завтра” № 21 1994).

Восьмого августа 2002 года я получил письмо от человека, с которым давно мечтал познакомиться.

“Уважаемый Станислав Юрьевич!

Окольными путями мне переслали Ваш двухтомник “Поэзия. Судьба. Россия” с неожиданной для меня адресовкой:

“На добрую память Анатолию Тихоновичу Штырову с благодарностью за службу России и за сына, главную книгу моей жизни. Ст. Куняев 2.08.2011 г.”

Весьма тронут. Внимательнейше прочитав Вашу книгу, я понял удивительное совпадение системы взглядов на современную (не недавнего прошлого) жизнь и кишащих в ней “двуногих интеллектуалов” от искусства и пера. Вы поймёте, кого и что я имею ввиду. Но пишу не по этому поводу. Ваш подарок я обязан “отдарить”. А посему посылаю Вам одну из своих книг “Солёные ветры”. Она издана в Молдове и вряд ли попадалась Вам на глаза. Просил бы иметь в виду следующее: я никогда не обучался во всяких литинститутах, никогда не стремился попасть в “большую литературу”, писал “для себя”; стихи, конечно, неровные и тяжёлые по стилю языка. Но ведь такова была и есть профессия и служба подводника.

Многое Вам не понравится, знаю. Скажу только откровенно: книга хорошо воспринята среди военных моряков, рыбаков, геологов Дальнего Востока, а в столицах – технической (не гуманитарной!) интеллигенцией.

Любопытная деталь: есть Главный штаб ВМФ, а в нём – фундаментальная библиотека. Так вот, библиотекари со смехом информировали: офицеры, кто помоложе, ходят по коридорам и скандируют о продажных генералах (и адмиралах). Смешно? Скорее грустно.

Но от самооценок воздерживаюсь. С искренними к Вам добрыми пожеланиями,

А. Штыров. 28.07.02 P.S. Извините за почерк: испорчен от писанины”.

Открыв присланную мне книгу, я сразу же был увлечён искренностью и честностью первых прочитанных мною слов и понял, что именно такой русский человек сможет правильно понять и оценить и творчество, и общественную деятельность Солженицына.

“Сейчас, на склоне жизни, могу с чистой совестью сказать: я был слабым человеком, но судьба толкала меня на самое трудное, и я был вынужден преодолевать это трудное. Но могу заявить, что для своего Отечества сделал всё, что мог. Притом – бескорыстно. А если кто считает, что он мог бы больше, так пусть сделает это...”

Редкое по искренности и чувству собственного достоинства признание принадлежит человеку, вышедшему из самых что ни на есть низов **советского простонародья**, но одарённому столь разнообразными талантами, столь сильной волей и такими нравственными основами, что, читая его книги, невольно приходишь к выводу: если Россия сможет в настоящем и будущем воспроизводить людей такой породы, то она не пропадёт никогда.

Родился Анатолий Штыров 6 марта 1929 года в г. Петровске Саратовской области. Жестокая нищета, безотцовщина, естественно, наложили отпечаток на все его ранние мироощущения. Сочинять стихи начал с четвёртого класса.

В 1944 году, в соответствии с указом Сталина подбирать беспризорников, попал в Военно-морское подготовительное училище (г. Горький). В процессе учёбы изучил французский язык.

С 1947–1951 годы – Тихоокеанское высшее военно-морское училище. В процессе учёбы изучил английский язык.

С 1951 года – Камчатка, служба на подводных лодках, на которых проплавал 18 лет, из них 8 лет – командиром.

Совершил большое число походов на разведку и боевую службу в годы “холодной войны” и жестокого противостояния двух систем, когда неоднократно приходилось действовать в экстремальных условиях, выходя из, казалось бы, безвыходных ситуаций.

С 1968 года – офицер морской разведки, а с 1970 года – один из руководителей разведки Тихоокеанского флота СССР.

С 1978 года – офицер по планированию боевых операций ВМФ в системе оперативно-стратегических штабов.

В феврале 1983 года А. Т. Штырову присвоено воинское звание контр-адмирал. Награждён тремя орденами и многими медалями.

В общей сложности прослужил в ВМФ 44 года, из них на Дальнем Востоке – 41 год (Камчатка, Совгавань, Приморье).

Имел прозвища: от подводников – “Неулыба”; от разведчиков – “Штирлиц”; от командования – “Последний из могикиан”.

В 1992 году по инициативе ветеранских кругов как бывший противник в “холодной войне” был приглашён в Китайскую Республику Тайвань, где был награждён знаком “Почётный подводник ВМС Тайваня”.

На протяжении почти 40 лет сочинял стихи (для себя), о чём сослуживцы не имели понятия. Множество стихов из-за неустроенности жизни потеряно.

Автор книг стихов “Моряна”, “Девятый вал”, “Солёные ветры”, в прозе – “Приказано соблюдать радиомолчание”, “Морские бивальщины”, изданных небольшими тиражами в конце девяностых и начале двухтысячных годов.

С 2002 года и до 2014 (когда он умер) этот легендарный человек был автором и желанным гостем нашего журнала.

У Анатолия Тихоновича Штырова, как у подводных лодок, которыми он командовал, было как бы две жизни. Одна – внешняя, на поверхности. С уставами военно-морской службы, с постоянным ощущением присяги, долга и командирской ответственности, с окружением вышколенной, блестящей команды морских офицеров и матросов, с блеском шевронов, наград и званий, с парадной формой, с великими обворожительными традициями русского флота. И другая жизнь, как у подводной лодки, стоящей на боевом дежурстве в глубинах Мирового океана, с почти никому не известным местонахождением, с тайными заданиями, которые надо выполнять в окружении враждебных кораблей. Это была другая половина его судьбы – литературная, поэтическая, скрытая от глаз высшего начальства, от публики и, к сожалению, не известная в литературной среде.

Читаешь стихи этого необыкновенно одарённого человека, самородка, подобного молодому Александру Твардовскому или Павлу Васильеву, и понимаешь: до чего же талантлив русский человек, стихи которого перебираешь, как необработанные драгоценные камни, которые вроде бы заключены в наплывы известняка, в пустую породу, но нет-нет, да и вспыхнут, и высветят глубины народного сознания, и выразят поэтическим словом глубочайшие человеческие чувства. Тем более, что они родились из сплава таланта с русским характером, сплава с присадкой офицерской чести, совести, бескорыстия и ненависти ко всякому ренегатству, ко всякой бюрократической мертвечине.

Обслуживающий персонал демократии, её апологеты и лакеи – евтушенки, улички, пивоваровы, познеры, млечины, сванидзе и прочие – много лет подряд по всем программам, отданным в их распоряжение нынешней российской властью, долбят, как попугаи, что советские люди – это “совки”, “винтики”, “тупые исполнители”, лишённые своего лица, своего мировоззрения, своей индивидуальности.

Да одно явление Анатолия Штырова камня на камне не оставляет от лжи этих болтунов и борзописцев.

Разрушение великой страны и небывалого в истории советского многонационального общества стало личной трагедией Анатолия Штырова.

*Тем и жили. Строили не сказку,
А простой хороший тёплый дом.
Отмечали Первомай и Пасху,
По земле ходили не в опаску,
Детям отдавали свет и ласку
И кормились праведным трудом.*

Так писал в стихотворении “Светлое Христово Воскресенье” бывший безпризорник, спасённый заботами новой власти, ставший при ней адмиралом, талантливым поэтом и даже своеобразным историком и идеологом советского строя.

*Как-то обходились без богатства;
Так уж вышло — не было его.
Было человеческое братство
С гордостью за честное гражданство —
Родины великое пространство
Было, и не стало ничего.*

Культ долга перед Родиной, суровый, но благородный аскетизм военноморской службы на подводных лодках, гордость за великую державу — вот главные личные темы поэзии Анатолия Штырова, который в 60–80-х годах был одним из самоотверженных солдат великой “холодной войны”, которую вёл Советский Союз, обороняющийся от хищного колониального Западного Мира.

Анатолий Тихонович Штыров был не только поэтом, но замечательным глубоким историком — цельным и страстным патриотом своей Родины. И всех, кто ренегатствовал и разрушал Советский Союз, считал своими не только мировоззренческими, идейными, но почти личными врагами. Об одном из них — Александре Солженицыне — он высказался не только со всей армейской прямоотой, но и с безупречной аргументацией, достойной объективного и профессионального историка. Его аргументы настолько значительны и серьёзны, что их необходимо пустить в научный оборот, поскольку фигура Солженицына до сих пор вызывает споры и его имя в истории окончательно не устоялось, если вспомнить недавние книги о Солженицыне Сараскиной и Бушина или то, как критик Бондаренко переплюнул ярую демократку Сараскину и объявил его “пророком” и “планетарным писателем”.

...В 1952 году жена флотского лейтенанта Штырова, окончив институт и став геологом, получила предписание немедленно ехать на работу в небезызвестную систему “Дальстрой”, в Магадан. Оттуда её направили на отдалённый участок, находившийся возле якутского посёлка Хандыга. Там, в Хандыге, и родился их первенец.

Пришедший из похода в свою Камчатскую бухту лейтенант, узнав о случившемся, отпросился у начальства и бросился к жене с сыном. Все две тысячи километров он, пересаживаясь с одной попутки на другую, добирался до посёлка Хандыга холодным летом 1953 года, когда все дороги и тропы, ведущие на Запад, были оккупированы уголовниками, только что освободившимися по Большой Ворошиловской амнистии... За эти две тысячи километров лейтенант выслушал от попутчиков и встречных множество страшных рассказов о том, сколько тут, на “планете Колыма”, зарыто людей. В ответ на его вопросы они говорили ему приблизительно так же, как шофёр полуторки-самосвала Семён: “Поговаривают, мильёнов десять... Кто, конечно, ведёт счёт. А мы простые, где нам... Но вот эта дорога... На костях, это точно. Я свидетель...”

Своё путешествие в глубь материка флотский лейтенант Штыров описал такими словами:

*Прошёл я по многим дорогам
Двадцатого хмурого века.
Я видел и зверя, и “бога”
И видел следы Человека.*

*Я видел Колымскую трассу
Не так, как кумир хриповатый, —
В упор. И без всякой прикрасы.
А врать мне, увы, поздновато.*

*Встречал и забуду едва ли
Конвои по мрачным дорогам,
Что жизнью своей оживляли
Край, проклятый людом и Богом.*

*И каторгу видел воочью,
Лишь понял всё это позднее.
Без звона кандалного, впрочем,
Там чуточку было страшнее.*

*Я видывал в дебрях восточных
Следы от костров людоедов.
Меня-то не съели уж точно,
Как мог я об этом поведать?*

*Я видел зарезанных эзков
Спокойно и тихо, без “шмона”.
У этих у “сверхчеловеков”
Такие уж были законы.*

В этих стихах Анатолий Штыров, называя Высоцкого “хриповатым кумиром”, иронизирует над его попытками изобразить уголовников людьми своеобразной чести, что часто встречалось в песенных текстах Высоцкого, который был соавтором книги “Чёрная свеча” — о жизни и нравах уголовного мира. Книга эта, написанная иркутским журналистом Леонидом Мончинским в соавторстве с Высоцким, должна была, по их общему замыслу, стать сценарием для голливудского фильма, в котором главную роль должен был играть Владимир Высоцкий. Чего не случилось из-за его неожиданной смерти.

Но если следовать правде жизни, то надо признать, что ни сам Высоцкий, ни Вадим Туманов, в артелях которого часто выступал поэт, не знали или не хотели видеть уголовный мир во всём его бесчеловечии, которое видели Штыров, Шаламов, Юрий Домбровский. Вот почему Анатолий Штыров так саркастически отозвался — “кумир хриповатый” — о Высоцком, который романтизировал уголовную жизнь, не видя в ней ни жестокости, ни зверства, которых насмотрелся флотский командир во время своего путешествия по Стране Колыме.

Счёт дальстроевским костям вёл Солженицын, выставивший этот счёт сталинской эпохе в “Архипелаге”, о чём Анатолий Штыров в главе “Страна Колыма” повествовал так:

“Много позже... адмирал в отставке вновь и вновь перечитывал солженицынского “Архипа”, шаламовские “Колымские рассказы” и вспоминал откровения шофёра Семёна; он понял, что привирали все трое — всяк по-своему.

Так, шофёр Сёма всерьёз уверял попутчика, что там, в подземелье, кайлал золотую руду вместе с Константином Рокоссовским и в знак доверности предлагал проверить: у Рокоссовского родимое пятно под левой лопаткой. Как будто лейтенант мог это проверить...

Привирал потому, что всё расплзлось во времени: этот Семён кайлал “жилку” в конце войны, после 1943–1944 годов, а Рокоссовский уже в 1942 году сражался под Сталинградом.

Но эта семёновская вина была малюсенькой: уж очень ему хотелось побыть в одной шахте со знаменитым человеком. Так сказать, стать причастным к бытию славы.

Но гораздо более врал Александр Солженицын (этот “апостол правды”); врал потому, что вся его статистика исторически-лагерного повествования в “Архипелаге ГУЛаг” крутилась вокруг расстрельной паукообразной “пятнадцати восьмой” статьи (КР, КРД, КРТД, ЧСИР и проч.); получалось, что огромные потоки осуждённых и невозвращенцев шли по этой статье, в его повествовании — это десятки миллионов судеб.

А из документальной статистики НКВД известно, что по уголовным статьям (воры, грабители, насильники, растратчики, несунуны и летуны) шло свыше 85% осуждённых. И если это так, а это так, то общий многомиллионный поток заключённых разбухал до такой степени, что становился в численном выражении чуть ли не больше всего населения страны.

Между тем, есть добросовестные, но неслышимые исследователи истории колымского края, которые на основании изучения документальных архивов НКВД и других первоисточников свидетельствуют о совершенно иных цифрах.

Как известно, поглощавший рабочую силу эзков “Дальстрой” функционировал с 1939-го по 1953 год. За неимением других средств сообщения, подачу рабсилы в виде эзков в порт Нагаево (через порты Ванино и Находка) обеспечивали единственный оборудованный транспорт “Джурма” (а в последующем и “Колыма”), способные принять в трюмы до 2 тысяч заключённых. Сезон навигации в Охотском море — июнь-ноябрь, то есть 6 месяцев в году;

челночный рейс туда и обратно – не менее 15 суток, следовательно, транспорты могли сделать не более **12 рейсов** за навигацию”.

На самолётах зэков, естественно, в Магадан не доставляли. И поезда на Колыму не ходили. Проведя тщательные подсчёты количества перевезённых за 14 лет существования Дальстроевского ГУЛага пассажиров (а ведь кроме “спецконтингента”, на Колыму направлялись геологи, строители, пограничники, охранники, лётчики, врачи, учителя и другие “вольняшки” – всего около 120-ти тысяч), Штыров пришёл к неопровержимому выводу, что за период с 1939-го по 1953 год на двух транспортах в “столицу колымского края” могло быть перевезено всего лишь около 600 тысяч заключённых, но отнюдь не 10 миллионов, о чём твердил в “Архипелаге” Солженицын. Что же касается утверждения последнего о том, что большую часть магаданских ссыльных составляли “политические”, то Анатолий Штыров комментировал эту ложь следующим образом:

“Из статистики, кроме того, известно, что до 1940 года из доставленных на Колыму заключённых составляли: “политические” – до 5%, “бытовики” – до 50%, уголовники – до 45%. В период 1944–1952 годов статистика изменилась: “политические” (болтуны и агитаторы) – до 1%, “бытовики” (растратчики, несунуны, спекулянты, аферисты и пр.) – до 25%, ошмётки войны (бандеровцы, власовцы, “зелёные братья”, пособники оккупантов и буржуазно-кулацкий элемент из западных регионов) – до 30%, уголовники (бандиты, воров, насильники и прочая публика) – до 40%.

А если подытожить, то “совесть эпохи” Александр Исаевич соврал ни много ни мало, а в 15 раз (как и при описаниях ужаса раскулачивания в 1929–1931 годах – тоже в 15 раз). А отговорка есть: “... мне не достало документов, и я по свидетельствам жертв/очевидцев...”

Несмотря на это, при возведении в 1996 году, аккурат перед президентскими выборами, гигантского памятника жертвам ГУЛага в Магадане было заявлено, что “вот на этом самом месте был концлагерь, в котором погибли не менее 700 тысяч заключённых”, а всего по Колыме опять-таки 10 миллионов. Гигантский памятник ставил известный Эрнст Неизвестный, а при сём присутствовал и витийствовал “гуру сибирской демократии” Виктор Астафьев.

Конечно, неискушённым слушателям вряд ли было известно, что в те поры всё население Хабаровского края (а Колымский край входил туда) составляло менее миллиона, а всё население Дальнего Востока – около трёх миллионов человек, которое тоже надо было кормить. Таково коварство солженицынской статистики, претендующей на историческую правду.”

Кроме сухой статистики, Штыров счёл нужным написать об авторе “Архипелага” следующие строки:

“Александр Исаевич утаил, что в 1945 году на Лубянке он был, без особого с его стороны упорства, завербован в “сексоты” и получил агентурную кличку “Ветров”, и этот листочек был аккуратными гпэушниками подшит в его тюремное дело.

Впрочем, во втором, доработанном издании “Архипа” (по-видимому, под подозрительными уколами сохранившихся свидетелей-солагерников) Александр Исаевич подправился и включил в своё жизнеповествование полупризнание, что да, он был принудительно, под недвусмысленной угрозой “вышак” завербован, подписал листок и был окрещён кличкой “Ветров”, но – никогда! слышите, никогда! – не работал на лагерных “кумов”, прикинувшись малопамятным, идиотом-придурком. Между тем, есть “документик” – личный донос стукача Ветрова в 1952 году “куму” в Карлаге о готовящемся там восстании. По этому доносу в Карлаг прибыл летучий отряд “краснопогонников”, который без всякого предупреждения открыл огонь по толпе зэков во время их построения перед разводкой на работы, где было убито свыше 200 заключённых. А “товарищ Ветров”... за сутки до того исчез и... появился в Костромском лагере шадящего режима.

Видимо, Александр Исаевич не знал, что о его расстрельном доносе сохранены документы и хранятся они в укромном месте, либо в каждом лагере были свои “сексоты” с тайной кличкой “Ветров”. В последнее, однако, верится плохо, ибо секретно-оперативный учёт в ведомстве “товарища Берии” всегда был на высоте, а любезный автор был завербован не в какой-нибудь захудалой “шарашке”, а в самом центре, на Лубянке, следовательно, был “централизованый”, спущенный сверху “сексот”. А к таким прислушивались особо...”

Вот короткое историческое исследование, написанное с кожиновской до-тошностью. Вот таким встаёт из размышлений контр-адмирала образ “пророка”, “совести России”, “планетарного писателя”.

А о ельцинской России легендарный моряк пророчествовал гораздо честнее, нежели Солженицын:

*Погрызла ты в духовной мгле,
От неустройцы угрюмая,
И на останкинской игле
Сидишь, о будущем не думая.
Грядёт вселенский передел,
Там впереди разборки грозные.
Я новых гуннов не хотел...
А ты? Проснёшься ли? Не поздно ли...*

Закончить свои размышления об Анатолии Тихоновиче Штырове я хочу его словами из предисловия к книге “Морские бывальщины”:

“Всё пережитое, увиденное и услышанное автор стремился доподлинно изложить как голос стремительно уходящего прошлого. Да, в те времена существовала неустроенность быта и службы, отравляли жизнь подлецы и карьеристы, ловкачи и демагоги. Но как много было истинно святого, честного, добропорядочного! А главное – были и жили люди, в своей массе добросовестные и честные. Они, как могли, несли службу, исполняли свой патриотический долг перед часто не очень-то внимательной к ним Родиной. . .”

Вот это и есть суть подлинного русского народного патриотизма. От Солженицына Россия таких сыновних слов не дождалась. . .